

скаго и грубаго старика. Впрочемъ, вкусъ у него все еще не выдохся — и такъ какъ онъ лично ко мнѣ не благоволилъ, то его сужденію о моемъ дѣтищѣ можно будетъ повѣрить. Сегодня начинаю читать ему.

„Сообщите мнѣ, ради Бога, что у васъ тамъ дѣлается. Въ самое время моего отъѣзда стояла странная погода. Всѣ ли здоровы?

„Пришлите мнѣ вашъ адресъ. Кланяюсь вашей женѣ, всей вашей роднѣ и всѣмъ знакомымъ. Вашъ И. Т.“

Приговоръ Т—выхъ вышелъ изъ началъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя руководили мнѣніемъ г. Каткова; они боялись за анти-либеральный духъ, который отдѣлялся отъ Базарова, и отчасти предвидѣли неприятныя послѣдствія для Тургенева изъ этого обстоятельства. Такимъ образомъ, наканунѣ появленія „Отцовъ и Дѣтей“ обозначились ясно два полюса, между которыми дѣйствительно и вращалось долгое время сужденіе публики о романѣ. Одни осуждали автора за идеализацію своего героя, другіе упрекали его въ томъ, что онъ олицетворилъ въ немъ не самыя существенныя черты современнаго настроенія. Время обнаружило, что обѣ точки зрѣнія были одинаково несостоятельны, и поставило романъ на его настоящую почву, признавъ въ немъ художественное отраженіе цѣлой эпохи, которое всегда вызываетъ подобныя упреки и недоразумѣнія. Кажется, и самъ Тургеневъ, встрѣтивъ эти противоположныя теченія общественной мысли, былъ сконфуженъ. Онъ хотѣлъ остановить печатаніе романа и передѣлать лицо Базарова съ начала до конца, какъ о томъ и писалъ даже къ г. Каткову. Къ счастью, этого не случилось: „Отцы и Дѣти“ явились въ печати въ томъ видѣ, какъ сошли съ его пера. Въ запискѣ встрѣчаются загадочныя фразы: „Въ самое время моего отъѣзда стояла странная погода. Всѣ ли вы здоровы?“ Объясняются они, какъ намекъ на первую уличную манифестацію студентовъ въ Петербургѣ, тогда же происшедшую и тогда же подавленную. Печальная исторія эта чрезвычайно заинтересовала заграничныхъ корреспондентовъ нашихъ. Множество англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ газетъ говорили о студенческой манифестаціи съ участіемъ, но по обыкновенію, извращая и преувеличивая факты. Тургеневъ даже испугался и спрашивалъ въ коротенькой записочкѣ—не приостановить ли печатаніе романа? Такимъ образомъ, романъ, до своего появленія, пережилъ уже три рѣшенія или катастрофы, которыя ему предстояли: сожженіе въ каминѣ, передѣлка съизнова лица